

МАРИНА СЕРОВА

**Любовь кончается
в полночь**

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Любовь кончается в полночь

«Научная книга»

2009

Серова М. С.

Любовь кончается в полночь / М. С. Серова — «Научная книга», 2009 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Доктор Чайников, маг и кудесник в белом халате, неожиданно скончался. Поел грибов, как в плохом анекдоте... Хотя, по словам своих друзей-врачей, прекрасно в них разбирался. Значит, кто-то смыслил в грибочках не хуже самого доктора, решила частный детектив Татьяна Иванова, принимаясь, по просьбе друзей покойного, за расследование обстоятельств его смерти. И тут уж гадай не гадай, а рыть придется долго и упорно. Все так расхваливают умершего, что уже одно это очень подозрительно! Был ли он в самом деле таким ангелом во плоти?!.

Содержание

1	5
2	18
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Серова

Любовь кончается в полночь

1

Самый лучший месяц года – это август. Жара, от которой все изрядно устали, уже спала, но вода в Волге еще теплая, можно купаться, на базаре – изобилие фруктов и овощей, причем по таким ценам, что даже бабушки-пенсионерки в обморок не падают.

Мы сидели со Светкой на городском пляже под зонтиком, уплетали груши и виноград, любовались видом родного Тарасова на противоположном берегу. Светка сладко потянулась:

– Вот бы август длился не тридцать дней, а, скажем, дней сто, а лучше – двести! Уж очень месяц хороший. А проходит быстро. А потом – осень, дожди, слякоть... Фу, гадость!

Светка откусила внушительный кусок от большой желтой груши, смачно жевала его, вытирая сладкий сок с губ тыльной стороной ладони. Набежавший ветерок сорвал с нее панаму. Светка подняла ее, стряхнула песок и снова водрузила на голову.

– Ну, допустим, сентябрь тоже месяц ничего, особенно первая половина, – сказала я. – А потом, август только начался. Так что время позагорать еще есть.

Я достала из корзинки виноградную кисть. Ягоды, если смотреть сквозь них на солнце, просвечивались почти насквозь, внутри виднелись семечки. Я оторвала одну ягоду и отправила в рот. Ничего, сладкая. Фрукты мы со Светкой купили на базаре по дороге на пляж, помыли под краном с питьевой водой и сейчас с удовольствием уплетали.

– На базаре грибы появились, – сообщила Светка, – вроде и дождь прошел несильный, а грибов много. Купить, что ли? Обожаю картошку с жареными грибами! В этом году еще ни разу не ела.

– А я к ним равнодушна. И вообще, врачи и ученые до сих пор спорят: можно их есть или все-таки не стоит? Говорят, грибы впитывают из атмосферы все яды и таким образом очищают ее. Но сами при этом становятся ядовитыми.

– Не знаю... Я вот ем – и ничего, пока жива!.. Ну, что, скупнемся еще разок, а то скоро домой?

Мы немного поплавали со Светкой в теплой волжской воде, вышли на берег. Светка принялась вытираться досуха большим махровым полотенцем. Она была уверена, что, если не сделать этого сразу же после купания, то обязательно заболеешь. Я никогда не вытиралась, ждала, пока вода высохнет на теле естественным образом. Во-первых, это прекрасно закаляет, во-вторых, полезно для кожи, как увлажняющая процедура. Десять минут спустя мы шагали по мосту, соединяющему Тарасов и Покровск, и Светка рассказывала про кавалера, который «клеился» к ней последние две недели:

– ...А он мне говорит: «Ну, тогда приглашаю вас в кафе. Пойдем?» А я ему: «Вы что, за кого вы меня принимаете? Я с малознакомыми мужчинами в кафе не хожу». А он: «А что мешает нам познакомиться поближе?» Представляешь, каков фрукт?! Ну, я, конечно, ему сказала кое-что по поводу близкого знакомства...

Светке этот кавалер, несомненно, нравился. Иначе с чего бы она талдычила о нем весь день? Но она упорно пыталась убедить меня, что не собирается иметь с ним ничего общего.

– ...А он на другой день опять пришел, представляешь? Я говорю: что-то вы зачастили к нам... А он: «Светочка, а как вы смотрите на то, чтобы сходить в боулинг?..»

– Ну, в боулинг ты, конечно, согласилась пойти?

– Я?! Только не с ним!...

За этими разговорами мы не заметили, как преодолели мост и вышли на набережную. Здесь мы со Светкой попрощались, сели в свои маршрутки и поехали каждая к себе домой. Дома, приняв душ и смыв с себя некоторое количество песка, застрявшего в купальнике, постирав сам купальник и повесив его в ванной на веревке, я принялась разбирать пляжную сумку. Так, ужин готовить не буду, у меня остался виноград и пара груш. Да еще я прикупила пищу по дороге, сейчас разогрею ее в микроволновке – вот это и будет сегодня мой ужин. Ну и, конечно, мой любимый напиток. Как же я без кофе? Остаток вечера буду валяться на диване и смотреть телик. А еще надо бы посчитать, сколько денег у меня осталось. Похоже, мои финансовые запасы истощаются. Я достала из нижнего ящика тумбочки несколько банковских купюр не очень большого достоинства. Да, если в ближайшие два-три дня у меня не будет клиента, мне придется начать очень серьезно экономить.

Я вынула из корзинки виноград и груши и положила их на тарелку, улеглась на диван и начала лакомиться сочными ягодами, но телефонный звонок заставил меня прервать такое приятное времяпрепровождение.

– Алло?

– Здравствуйте. Хотелось бы услышать Иванову Татьяну... Александровну.

Голос был приятный, мужской. И, что самое главное, – незнакомый. А это значит... Неужели клиент?!

– Татьяна Александровна – это я. Слушаю вас.

– Меня зовут Шелестов Родион Максимович. Наша общая знакомая, – он назвал имя, – дала мне ваш телефон... Я бы хотел попросить вас взяться за одно дело...

Клиент! Я чуть не подпрыгнула от радости. Милый мой! Да если бы ты знал, как ты вовремя!

– И какое ваше дело?

– Н-н-не совсем мое... Вернее, совсем не мое... Умер мой друг.

– Умер? Я имею в виду, он умер сам или ему помогли?

– Вот этого я не знаю. Точнее, я знаю официальную версию...

– Но она вас чем-то не устраивает?

Родион Максимович выдержал паузу. Я терпеливо ждала: пусть человек обдумает все хорошенько.

– Во всяком случае, она кажется мне очень странной.

– И в чем ее странность?

– Видите ли, Татьяна Александровна, покойный отравился грибами.

– Чем?! – Нет, ну такой прозаической смерти я не ожидала! Если бы покойник съел цианистый калий, например, или выпил синильную кислоту... Да хоть паленую водку, на крайний случай. Но грибы...

– Татьяна Александровна, вас что-то смущает?

Смущает! Он еще спрашивает! Не смущает, а возмущает. Со стороны покойного это даже как-то непорочно.

– Да как вам сказать...

– Скажите, как есть. Вы не хотите браться за это дело?

– Родион Максимович, ну, подумайте сами: что здесь расследовать? Пошли грибы, отравлений много, насколько я знаю. Ваш друг – не исключение. Тем более что версия – официальная. Вскрытие было?

– Да.

– Вы не доверяете патологоанатомам?

– Ни в коем разе! Тем более что вскрытие делал мой знакомый...

– В каком смысле?

– Видите ли, Татьяна Александровна, я – врач. И покойный тоже был врачом. И патологоанатом – наш знакомый. Ну, многие врачи знают друг друга...

– Понятно.

– А вообще, Татьяна Александровна, давайте встретимся и поговорим, я думаю, что при личном общении мне будет проще объяснить вам...

– Не знаю, Родион Максимович, мне кажется, я вряд ли смогу вам чем-то помочь. Я просто не понимаю, что вас не устраивает в данном случае?

– Да кое-что есть. Дело в том, что покойник не просто любил грибы, он был их знатком, сам их собирал, сам готовил. Он жарил их с луком, морковкой, с чем-то еще... Те, кто ел, говорили, что все было очень вкусно. И никто никогда не травился... Нет, честное слово, давайте встретимся, и я расскажу вам все... Хотите, я приглашу вас в кафе? Когда вам удобно?

Мне было бы удобно в любое время суток, окажись дело стоящим, а так... Даже перспектива перекусить на халяву не вдохновляла.

– Только не сегодня. Я занята...

– Хорошо. Завтра. Где и во сколько?

Ишь, какой ты упорный! А я рассчитывала отделаться от тебя сегодня. Ладно, хочешь получить отказ завтра – будет тебе завтра.

– Давайте в кафе на Белозерской. Часов в одиннадцать вас устроит?

– Вполне, – сказал он, – вполне. Значит, до завтра?

– Да, спокойной ночи!

Я положила трубку и пошла в кухню, разогревать пиццу и готовить кофе. Да уж, ну, такого подвоха от судьбы я не ожидала. Зря я успела порадоваться, что у меня появился клиент. Что это за дело такое – расследовать смерть от отравления грибами! Что там вообще можно расследовать?! Ну, отравился, ну, умер, ну, похоронили. Каждый год в грибной сезон от отравления умирает несколько десятков человек. Даже в газетах об этом пишут. Что тут расследовать и кого наказывать? Грибы? А если их ему кто-то подsunул? Нет, Родион Максимович сказал, что покойник сам их собирал и готовил. А если сам, с кого тогда спрашивать? Ну не ел бы их, остался бы жив. Да, дождалась я клиента...

Я жевала сочную пиццу и от огорчения даже не могла как следует насладиться ее вкусом. Грибы... Хм, надо же! Только что на пляже мы со Светкой говорили о них – и нате вам! Я внимательно посмотрела на кусок пиццы, который держала в руках. А ведь она с грибами! Точно: я попросила у продавщицы пиццу с ветчиной, но она сказала, что с ветчиной закончилась, осталась только с грибами. Я положила недоеденный кусок на тарелку. Что-то расхотелось мне есть эту пиццу... Заварю-ка я лучше кофе. Во всяком случае, мне еще не приходилось слышать, чтобы от кофе кто-то умер.

Остаток вечера прошел достаточно безрадостно.

Утром я проснулась в каком-то непонятном состоянии. Вчерашнее огорчение немного прошло, но осталось чувство легкой досады. Ну почему судьба не может послать мне нормальное преступление, где нормальный убийца порешил жертву нормальным способом, зарезал там или задушил? Я бы даже согласилась, если бы он утопил ее в ванной. Но что делать с грибами? А увидаться с заказчиком мне все-таки придется... Вот не хватило вчера духу отказать сразу, теперь надо ехать на встречу. Я «покачалась» немного для поднятия тонуса, выпила кофейку – это для настроения, выкурила сигаретку – это... ну, сама не знаю для чего, просто очень хотелось. И стала собираться на встречу с клиентом. Так, сегодня достаточно жарко, надену что-нибудь совсем легкое, но не слишком открытое. Майка и бриджи, легкие шлепки на ноги – и вот я уже усаживаюсь в свою «девятку».

Кафе, где мы с Родионом Максимовичем договорились встретиться, было летним. Легкие пластмассовые столики и стулья под большим полосатым навесом. За столиками сидело

человек десять. Своего заказчика я вычислила сразу: он был там один, кому перевалило за тридцать, остальные – молодежь лет двадцати. Я подошла к нему и спросила:

– Родион Максимович?

Он галантно привстал, указал мне на стул: «Прошу» – и стоял, пока я садилась. Я не скрывала, что рассматриваю его. Да, я правильно определила по голосу: ему было немного за тридцать. Высокий рост и достаточно широкие плечи делали его видным мужчиной. Зачесанные назад каштановые волосы, открытый взгляд светло-карих глаз.

– Что будем пить? – спросил он. – Или вам взять что-нибудь посерьезнее?

– Бутылку колы и мороженое, если можно.

Он принес нам по мороженому, бутылку колы, два пластмассовых стаканчика. Казалось, он не торопится начинать уговаривать меня взяться за его дело. Он ел мороженое, посматривая на меня, и, похоже, тянул время. Наконец я не выдержала:

– Родион Максимович, мне, конечно, приятно находиться в вашем обществе, но хотелось бы все-таки услышать то, ради чего мы оба сюда пришли.

– Да, я понимаю, что надо вам все рассказать, просто не знаю, честно говоря, с чего начать.

– Знаете, есть такой совет: если не знаешь с чего начать, начинай с начала.

– Что ж, разумно. Ну тогда слушайте.

Родион Максимович отпил несколько глотков колы.

– Дружить мы начали еще в институте, студентами. Просто так получилось: трое ребят жили в одной комнате в общежитии, а я – местный, я жил с родителями, но часто приходил к ним в гости. Мои друзья – это: Виктор Чайников, мы звали его Чайник, Иван Белобородов, для нас – Борода, и Роман Ухов, для друзей – Слухач.

– Так умер Виктор...

– Чайник, вы правильно догадались.

– А вас друзья зовут...

– Шеля. Смешно, правда? Но так получилось. Мы все называли друг друга по прозвищу, меня сначала называли Шелест, потом постепенно сократили до Шеля. Да... столько лет прошло, а мы друг друга до сих пор так и зовем... На последнем курсе все стали определяться со специальностью. Я всегда хотел быть хирургом, еще в школе мечтал. И стал им. Я работаю пластическим хирургом в частной клинике. Исправляю то, что плохо сделала природа, или увечья, полученные человеком при травмах. Я это так говорю, на всякий случай. Вам, Татьяна Александровна, мои услуги без надобности, вас природа красотой не обидела...

– Спасибо за комплимент, Родион Максимович. У меня к вам одна просьба: вы называете меня просто по имени, хорошо?

– Хорошо. В таком случае осмелюсь выдвинуть встречную просьбу: вы тоже называете меня по имени. Поверьте, я еще не так стар. Достаточно того, что в клинике пациенты называют меня по имени-отчеству. Так вот, я стал пластическим хирургом, Чайник – гинекологом, Борода – хирург в городской больнице, очень тяжелое отделение – экстренной хирургии. Ну, а Слухач у нас – уролог в поликлинике. Когда мы узнали, что он урологию выбрал, смеялись над ним, говорили, что с его фамилией ему надо быть отоларингологом. После окончания института прошло больше десяти лет, но все мы до сих пор дружим, ходим на дни рождения друг к другу, Двадцать третье февраля отмечаем и так просто встречаемся, правда, нечасто. Мы ведь по графику работаем, не всегда у нас смены совпадают или удастся с заменой договориться. Ну, в общем, вы поняли. Так, что мне еще хотелось сказать? А, вот! У Чайника день рождения второго августа. В этом году оно выпало на воскресенье, у всех был выходной, и мы поехали к нему на дачу. А в самом конце июля, если вы помните, прошел дождь, в лесу грибы полезли. Чайник наш – большой любитель грибов... был. У него дача в пяти минутах ходьбы от леса,

так он всегда за грибами ходил, когда на дачу приезжал, сам собирал, сам готовил, а готовил он хорошо, жены у него не было...

– Он что, женоненавистником был или как?

– Да нет, женщины у него бывают... Бывали. Все никак не могу привыкнуть... Бывали время от времени. Но жениться он не торопился. Мы всегда над ним потешались из-за этого. Фактически, из нас троих он один остался холостым. Я женат, моя Ирина преподает в гимназии математику. Иван Борода тоже женился, его жена, Юля, – педиатр, сейчас она не работает, сидит с ребенком. Роман, уролог, в гражданском браке состоял с одной женщиной, зовут Люда, она лаборант. Собирается расписаться. Так что «мальчиком» у нас был только Виктор.

– И что же произошло в воскресенье на его даче?

– Мы все приехали к нему на день рождения. Привезли мясо на шашлык... А, вот что еще я хотел сказать. День рождения Чайника мы всегда отмечали без женщин. Таково было его условие. Собирались вчетвером, делали шашлык, парились в бане, брали много водки, коньяк, пиво. Напивались, конечно. Когда дам нет, сами понимаете, контролировать нас некому. В общем, отрывались, что называется, по полной. До поросычьего визга.

Я внимательно посмотрела на Родиона. Поверить в то, что он «отрывался» до визга, было трудно. Такой интеллигентный... Он угадал мои мысли и сказал с улыбкой:

– Да, да, куролесили мы здорово! Но только один день в году – в день рождения Чайника. Все остальные праздники и дни рождения мы отмечали со своими вторыми половинами, иногда дома, иногда на природе, но культурно. А вот Виктор хотел, чтобы все было, как в студенческие годы: шумно, весело, чтобы подурочиться от души и было потом что вспомнить. Короче, приехали мы все на моей машине (у меня «Ауди»), Чайник начал дрова рубить для костра, я занялся разделкой мяса. Ребята водку в погреб спустили, одну бутылку на «разогрев» оставили. Мы по одной стопке приняли для настроения, и Виктор достает сковороду, начинает нас жареными грибами угощать. Оказывается, он с утра пораньше в лес сходил, нарвал грибов и пожарил. Ну, я-то их никогда не ел. Не люблю, ни в каком виде. Роман грибы ест, но исключительно соленые, а Иван поддержал Виктора, и они вдвоем принялись эти грибы уплетать. Ну, а мы со Слухачом, с Романом то есть, закусывали свежими помидорами, аппетит перед шашлыком возбуждали. Он сорвал несколько штук прямо с грядки, пополам их разрезал, солью посыпал... Мы с ним еще над именинником посмеялись: мол, сам грибы приготовил, сам и ешь.

– Он не обиделся?

– Кто? Чайник? Нет, что вы! Он практически никогда не обижался. Он только сказал, что мы со Слухачом дураки, ничего не понимаем в еде и что им с Иваном больше достанется. Вот так мы и сидели, закусывали... костерок горит, банька топится – красота! А тут моя жена, Ирина, в калитку заходит. Она приехала из города на автобусе, привезла мне кефир и сметану. Я забыл взять с собой кефир, а я всегда пью его наутро после «попойки», чтобы быстрее восстановиться, ну, и чтобы запаха не было. Мне ведь утром за руль, всю компанию по домам везти. В общем, Ирина увидела, что мы овощи целиком едим, и послала меня собрать с грядки побольше помидоров, огурцов, лука и петрушки. Настругала нам салата целый тазик, заправила его сметаной. А то, говорит, вы здесь одичаете совсем. Ну, мы салат едим, костер догорает, собираемся уже мясо на шампуры насаживать. Ирина уехала. Нарвала петрушки с укропом, взять с собой, и побежала на автобус, боялась опоздать. А мы остались гулять...

– Хорошо погуляли?

– Не то слово! Водки выпили – по бутылке на брата, да еще бутылку коньяка на всех, да по две бутылки пива... Шашлык просто чудный получился, поросенок был молодой, мясо парное, буквально теплым его покупали. Посидели мы у костра, песни погорланили, анекдоты потравили, в баньке попарились, опять у костра посидели. Так до часа ночи и куражились. Потом стали по одному спать уползать. Иван и Роман легли на втором этаже в спальне, я – в

гостиной. А Чайник последним укладывался, на веранде. У него там старенький диван стоит. Вот на него он и лег, прямо в одежде. Утром я первым проснулся, спустился вниз. Было около восьми. Смотрю – Виктор спит. Я умылся, в туалет ходил, пришел на веранду, наливаю себе кефир, стал его будить. Пару раз окликнул – он не шевельнулся. Я его за плечо тронул – чувствую, что-то не то, хотел на шее пульс отыскать, а шея – холодная! Значит, он еще ночью...

– Ну, пока все понятно. Что вы дальше сделали?

– Романа с Иваном разбудил, сказал им... Мы его втроем осмотрели. Вызвали по телефону милицию, «труповозку»... Его в городской морг отвезли. Там патологоанатом – Борька Рудых. Хороший специалист. Пятнадцать лет стажа. Он нам и выдал: в крови найден яд фаллоидин, имеющийся в ядовитых грибах. Да мы и без Борьки поняли, что Чайник отравился: все признаки были налицо.

– А что это за признаки?

– Синюшность и отечность кожных покровов, желтоватые белки, расширенные зрачки...

– Ну, что ж, все понятно. Одно неясно: что вам не нравится?

– Татьяна, поймите: Виктор был хорошим знатоком грибов. Не мог он собрать бледные поганки или там... мухоморы! Он же деревенский, с детства с родителями в лес ходил, лет в четырнадцать уже знал все грибы, он нам рассказывал. Ну, что он, сам себе смертное варево приготовил? Это во-первых. А во-вторых, Иван ведь тоже грибы ел, меньше, чем Виктор, но ел! И ничего, жив-здоров, даже животом не маялся. И заметьте: ели они из одной сковородки! Это как объяснить?

– Да очень просто: Виктор, собирая грибы, случайно положил в корзину пару ядовитых, именно ему они и попались.

– Чуть! Татьяна, извините, но это чуть. Чайник никогда бы не сорвал плохой гриб. Я же говорю: он их знал очень хорошо! Я как-то раз видел, как к нему сосед приходил, консультироваться насчет грибов. Принес целую корзину, спрашивает: посмотри, все ли хорошие, я в них не очень-то разбираюсь. Так Чайник за три минуты ему всю корзину перебрал, пару тройку выкинул, эти, говорит, не пойдут, остальные – гарантирую: съедобные.

– А родители Виктора – они, я так поняла, умерли? Отчего?

– Года два назад в аварию попали. Дождь был, дорога скользкая, а у них – старенький «москвиченок». В общем, перевернулись... Отец почти сразу умер, еще по дороге в больницу, а мама еще двое суток в реанимации лежала...

– Ну, значит, не от грибов.

– Нет, я же говорю, они все грибы хорошо знали, всегда их собирали, и жарили, и солили, и на зиму сушили, отравлений никогда не было.

– Понятно. А у ваших друзей, Ивана и Романа, не было с Виктором... стычек или невозвращенного долг, например?

– К чему это вы, Татьяна? Какие стычки?! Мы видимся редко, собираемся вместе еще реже, а дружим... лет пятнадцать! Нет, об этом даже не думайте. А долг... Да, Иван остался должен Виктору, но сумма небольшая, тысяч двадцать, кажется. Он в прошлом году занимал у Вити на ремонт квартиры. У Ивана ведь зарплата небольшая, он занял у Виктора сорок тысяч и у меня столько же. Мне он уже отдал, а Виктору успел вернуть только половину. Но за такие деньги не убивают. Тем более друга! Да Иван бы отдал, я не сомневаюсь. Ну, так как, Татьяна, возьметесь?

– Честно сказать, даже не знаю. Я все еще не вижу здесь ничего подозрительного. Ну да, знал человек грибы, но ведь он мог и ошибиться, и на старуху бывает проруха, сами понимаете.

– Татьяна, я не думал, что вы вот так сразу отступитесь.

– Да? А вы сами-то кого подозреваете? Ведь, кроме вас троих и вашей жены, там никого больше не было. Так на кого думаете?

Родион замаялся. Он допил колу, пошел к киоску, взял бутылку спрайта, сел на свое место, налил из запотевшей бутылки себе в стакан.

– Ни на кого из этих людей я подумать не могу. Друзей своих я знаю слишком давно и слишком хорошо. Пятнадцать лет – это все-таки срок! Да мы еще студентами друг другу помогали, и деньгами выручали, и прикрывали друг друга, когда кто-нибудь прогуливал... да всего не расскажешь. Жену свою я знаю... лет семь. Тоже – не вчера познакомились. Но ведь мог кто-то зайти, соседи по даче, там... бомжи... еще кто-нибудь... я не знаю. Может, он с соседями конфликтовал? У Чайника калитка всегда была незаперта, заходи, кто хочешь. Татьяна, ведь это ваша работа! Так вы беретесь?

– Видите ли, Родион, взялся я, конечно, могу, но может получиться так, что мои выводы совпадут с выводами патологоанатома. Не знаю, как вы, а я вполне допускаю, что ваш друг отравился сам. А моя ставка – двести долларов в день. Я вас не отговариваю, поймите, но не покажется ли вам потом, что ваши деньги потрачены впустую?

– Ну, почему же впустую? Убедиться в правильности выводов эксперта – это тоже чего-нибудь да стоит. По крайней мере, меня не будут терзать сомнения.

– Тогда нам предстоит поездка на дачу. Мне надо осмотреть место... не хочу говорить – преступления... место, где все произошло.

– Так поедem, какие проблемы? Сегодня я не работаю, поэтому могу отвезти вас к Виктору на дачу. А вот – задаток. Надеюсь, этого пока хватит?

– Вполне. – Я взяла деньги и убрала их в сумочку. – Вы на колесах?

– Да, вон моя «Ауди» стоит, – Родион кивнул на светло-зеленую машину, стоявшую в тени деревьев недалеко от нас.

– А ключ? Надо будет осмотреть все внутри.

Родион достал из кармана связку ключей и показал мне.

– Остались с... того дня. Мне пришлось все закрывать.

– Ну, тогда едем. Только мне надо мою тачку поставить на стоянку.

Мы сели каждый в свою машину и тронулись в путь. Вскоре по дороге попала платная стоянка. Я оставила на ней свою «девятку», пересела к Родиону в «Ауди». Да, такая машина – это что-то! Не зря люди стараются иномарки покупать. Мы ехали по городу, периодически застревая в пробках, и продолжали говорить о покойном Викторе.

– Родион, если не секрет, что вы подарили вашему другу на день рождения?

– Да не секрет. Маленький складной столик и четыре стульчика для сидения у костра. Такой походный компактный набор. А то мы на пеньках сидели да на старом табурете с отпиленными ножками. А так – красиво, удобно. Домой уезжаешь – сложил, убрал на веранду. Приехал – быстро разложил. И главное – четыре стульчика, как будто специально для нашей компании. Теперь вот чужим людям все достанется...

– А кто наследует имущество Виктора?

– Родных братьев-сестер у него не было, он один у родителей. Есть двоюродный брат, правда, они особо не дружили, виделись редко. Я думаю, он – единственный наследник.

– Мне понадобятся некоторые сведения о нем. И о ваших друзьях. Напишите мне их телефоны.

– Хорошо, когда приедем на дачу, там есть бумага.

Мы выехали за город. Потянулись поля, посадки вдоль дороги. Мы проносились мимо дачных поселков, деревень. Машина Родиона шла очень плавно, а главное, быстро. Прошло немногим более двадцати минут, и Родион свернул в какую-то деревню, проехал ее, и мы увидели дачный поселок, огороженный сеткой-рабицей. На воротах имелась табличка «Садово-дачный кооператив «Яблонька». Мы проехали по узкой асфальтовой дорожке мимо дачных участков, свернули направо и остановились у деревянного забора, серого от времени. Родион вышел из машины, открыл замок, висевший на калитке. Мы зашли на территорию чайников-

ской дачи. Сад был очень старый, большие деревья давали много тени. Дом тоже был старый, деревянный, двухэтажный. На большой застекленной веранде при желании могло бы поместиться человек пятнадцать, не меньше. В середине ее стоял круглый стол внушительных размеров, вокруг – стулья. В углу – кресло и маленький журнальный столик. У окна большой кухонный стол, рядом – электрическая плитка. Над столом – полки, на которых стояла посуда, кувшин, чашки, чайник. С потолка свисал очень старый тряпочный абажур с кисеей. Напротив входа стыдливо краснел диван послевоенного производства. Я подошла к этому дивану и осмотрела его. Темно-красная ткань кое-где поистрепалась, круглые валики с обеих сторон замаслились. По-хорошему, его надо было выбросить десять лет тому назад. Но хозяева, очевидно, считали такую рухлядь для дачи вполне пригодной. А может, он был им дорог, как память. И вот на этом стареньком диване умер человек, врач, умер ночью, поев грибов. Интересно, он сильно мучился или был настолько пьян, что даже не почувствовал, что умирает? Осмотр дивана мне ничего не дал, и я стала осматривать веранду, служившую также летней кухней. Стол был завален грязной посудой, оставшейся от гулянки, это безобразие мне тоже пришлось тщательно осмотреть.

– Родион, что-нибудь осталось от вашей трапезы?

– Да, уезжая, я поставил в холодильник остатки шашлыка и сковороду с грибами.

– Так у Виктора был холодильник? Вы говорили, если не ошибаюсь, что водку вы опускали в погреб?

– Это для понта, что ли, для экзотики. А вот здесь, в кухне, есть холодильник.

Родион открыл дверь, и мы вошли в кухню. Это была небольшая комната, где стоял рабочий стол, старый ободранный холодильник «Саратов», буфет с посудой. Родион подошел к холодильнику и открыл его, достал сковороду и кастрюлю. В кастрюле оказались остатки шашлыка, в сковороде – грибы.

– Родион, не найдется ли здесь пара чистых полиэтиленовых пакетов?

Родион достал из буфета рулон мусорных мешков. В один я положила несколько кусочков шашлыка, в другой – грибы. Завязав плотно пакеты, убрала их в свою сумку. Родион глядел на меня очень внимательно. Исследовав всю дачу, я вышла во двор и направилась к бане.

– Вы что, и баню осмотрите? – спросил Родион.

– Обязательно, – сказала я.

Банька была маленькая, из почерневшего дерева. На полке – тазы, на гвоздиках висели мочалки, в предбаннике на веревке сушились два полотенца. На маленьком оконце стояла бутылка с какой-то жидкостью, похожей на воду. Я открыла ее, понюхала, прихватила с собой.

– Это вода, – объяснил Родион, – обыкновенная чистая вода. Мы парились, было жарко, и Роман взял с собой воду, пил прямо из горлышка, я видел.

– Хорошо, проверим.

Я прошла на веранду и, собрав все пустые бутылки, прихватила их с собой. Еще одну я нашла у костра. В самом костре виднелось горлышко обгорелой скукоженной пластиковой бутылки, которую даже не имело смысла трогать. Сложив все в пакет для мусора, я отдала его Родиону:

– Это отнесите, пожалуйста, в машину. Надо будет заехать в лабораторию, чтобы сделали анализ.

– Лучше – в морг, к Борьке Рудых. У них хорошая лаборатория, я договорюсь.

– Да, это было бы здорово.

Мы с Родионом походили по саду, я заглянула в самые дальние его уголки, прошла вдоль кустов сирени, смородины, заглянула под них.

– Татьяна, что вы надеетесь найти? – спросил Родион.

– Честно говоря, я сама не знаю, – ответила я, – просто хочу ознакомиться с местом, посмотреть, в какой обстановке все случилось... Кстати, есть здесь еще какие-нибудь помещения? Ну, там чердак... Да, и я еще в погреб не была! Покажите, где это экзотическое чудо.

– Татьяна, в погреб вам спускаться... в такой одежде... Там не очень чисто.

– Показывайте, Родион, показывайте...

Мы опять зашли на веранду. Родион откинул половичок, скромно лежавший около кресла, и взялся за кольцо крышки. Она поднялась с каким-то зловещим скрипом, открыв черную дыру. На нас пахнуло холодом и сыростью. Родион взял с полки свечу, зажег ее.

– Может, я осмотрю погреб? Обещаю, все, что найду, отдам вам, – предложил Родион.

– Нет, я должна сама.

– Тогда спускайтесь, я подам вам свечу.

Я подошла к краю люка и заглянула в погреб. В верхней части виднелись переладины железной лестницы, ведущей вниз. Ступеньки были холодные и грязные – песок со ржавчиной. Я спускалась все ниже, пока нога моя не коснулась земли. Я подняла голову: Родион остался у самого края люка и, присев на корточки, смотрел на меня. Я огляделась вокруг. Зловещий полумрак давил со всех сторон. Стены погреба были мокрыми, воздух – холодным, пахло чем-то кислым. В одном углу я увидела деревянный бочонок. Я подошла к нему, подняла крышку и заглянула внутрь. В бочонке была капуста, квашеная или соленая, я не очень в этом разбираюсь. Это от нее исходил такой странный запах. На полу около бочки я нашла бутылку водки, потрогала крышку: запечатана. Похоже, до этой друзья не добрались. Или оставили ее хозяину, на опохмелку. Я поставила бутылку на песчаный влажный пол. Надо выбираться отсюда, ничего интересного здесь нет.

– Татьяна, вы что-нибудь нашли? – спросил Родион, когда я вышла наверх.

– Нашла непечатую бутылку водки и закуски целую бочку. – Я отряхнула руки от песка. – А как на чердак попасть?

Родион закрыл крышку погреба, постелил сверху половик и повел меня на второй этаж. В гостиной я увидела лестницу, ведущую наверх. Кстати сказать, гостиная мне понравилась. Это была достаточно просторная светлая комната, два окна ее выходили на одну сторону улицы и одно – на другую. В комнате был отделанный огнеупорным кирпичом камин, конечно, не такой, какие делают сейчас, а очень примитивный, но – тем не менее. На нем – два старых подсвечника, около него – два кресла, «лицом» друг к другу. Чуть поодаль – диван, поновее, чем внизу, на веранде. Похоже, на нем-то и спал Родион. Старенький телевизор на стареньком же комод. Около дивана тумбочка, на ней – катушечный магнитофон. Надо же, какая экзотика! Раскладной стол стоял у одного из окон. На окнах красовались занавески, им было, наверное, уже полвека. И вообще, все здесь было из пятидесятых-шестидесятых годов. Можно просто музей открывать для молодежи, чтобы посмотрели, как жили их родители в детстве.

Я заглянула в спальню. Маленькая комнатка, одно окно. У противоположных стен стояли две железные кровати-полуторки. Между ними – небольшой столик со старинной настольной лампой. Маленький шкафчик для одежды скромно ютился в углу. Постели не успели убрать. Здесь, как я поняла, спали Иван и Роман.

Мы с Родионом полезли на чердак. Это была комната в виде прямой треугольной призмы, под самой крышей. Здесь все было в пыли и паутине. В одном углу стояли несколько плетеных корзин, какие-то ящики и рулон старых обоев. В другом – два сломанных стула. Должно быть, хозяева надеялись их починить когда-нибудь... в необозримом будущем, иначе бы выкинули эту рухлядь или сожгли в костре. В одном месте лежал свернутый вчетверо рваный полосатый матрац. Кое-где из него торчала серая вата.

– Какой хлам! – сказал Родион. – Зачем люди копят подобный мусор десятилетиями? Теперь вот придут новые хозяева, наверняка все выбросят...

Я осмотрела вещи на чердаке, потом подошла к маленькому окошку, пропускавшему в помещение немного света, открыла его и выглянула. Сверху сад смотрелся просто здорово, особенно банька, она была как игрушечная. А место для костра находилось под самым чердачным окошком. Вокруг кучи золы стояли три деревянных чурбака и один дряхлый табурет с отпиленными наполовину ножками. Рядом возвышалась небольшая поленница дров под навесом. Мангал был врыт в землю. Эту милую полянку с одной стороны закрывал дом, с другой – кусты сирени, с третьей – кусты малины. Очень живописный закуток! Так вдруг захотелось мне посидеть у костра на таком вот пенечке, а если бы еще и шашлычок горячий, пахнущий дымком...

Но нет, я приехала сюда не за этим. Хватит мечтать! Что бы еще посмотреть здесь, на чердаке? Я отвернулась от окна и еще раз оглядела комнату. Все понятно, старая рухлядь, никому не нужная и всеми забытая. Конечно, ее место на свалке, и, думаю, новые хозяева именно туда ее и отправят...

Я подошла к выходу.

– Кажется, здесь нет ничего интересного для вас? – спросил Родион.

– Похоже, что так. Идемте вниз.

Родион первым стал спускаться по лестнице на второй этаж. Я пошла за ним, но на прощание повернулась, сама не знаю зачем, и еще раз заглянула в комнату под крышей. И тут, на находившемся почти на уровне моего лица полу, я увидела следы. В пыли, покрывшей пол достаточно плотным слоем (как видно, чердак хозяин посещал крайне редко), четко виднелись следы ног. Но это были не только мои следы. Мои шли к окну. Я по комнате особо не ходила, в основном осматривала все, стоя около двери. А эти следы вели к матрасу, сложенному вчетверо, топтались около него. И эти следы – не мои. Да и матрас, если присмотреться, был примят, как будто на нем сидели. Я подошла к нему и внимательно осмотрела. Ветхая грязная ткань в серую и синюю полоску. Стоп, а это что такое? Ого! Я, кажется, нашла кое-что интересное. В складочке лежал маленький стразик. Я взяла его в руку, и он блеснул ложным блеском. Откуда здесь, среди этого полуистлевшего хлама, страз? Крохотный, в виде многогранника, он был не больше спичечной головки. Я показала его Родиону.

– Откуда он здесь, как вы думаете? – спросила я.

– Понятия не имею. – Родион пожал плечами.

– Вот и я не имею. Но, согласитесь, как-то странно: современный стразик среди древней рухляди. Причем он попал сюда совсем недавно, видите: следы на полу?

– Согласен. Но такими стразами украшают одежду, по-моему, только женщины? А Чайник не любил возить женщин на дачу. Тем более зачем женщине лезть на пыльный чердак?

– Хороший вопрос, – сказала я, – причем женщина эта не просто залезла сюда, она, похоже, сидела на этом матрасе, видите: он примят вот здесь, в середине?

Родион подошел и посмотрел на место, которое я указала.

– Да, пожалуй, вы правы. Здесь сидели. Характерная вмятина.

– Родион, вы сказали, что Виктор не любил возить своих женщин на дачу. Но иногда он все-таки кого-то привозил?

– Не знаю, нет, по-моему. Он как-то рассказывал, что, когда его родители купили эту дачу (года через два, как он институт закончил), он привез сюда одну девушку. Ему-то самому здесь нравилось. Чайник – деревенский житель, и эта избушка на курьих ножках была для него чем-то вроде виллы. А может, она просто напоминала ему родной дом в деревне. Но его даме сердца эта хижина не понравилась. Она стала насмехаться над Чайником, назвала его деревенским валенком, а дом – курятником... ну, и что-то еще в этом роде. Короче, Чайник наш очень обиделся и поклялся, что отныне ни одна женщина не переступит порог этого дома. Конечно, с годами его обида, может, и прошла, только знаю одно: для него женщина на даче была все равно что для моряка женщина на корабле.

– Понятно. Ну, что ж, кажется, я все осмотрела. Можно отправляться домой.

Мы спустились с чердака и вышли из дома. Родион закрыл его на ключ. Потом запер баню. Мы вышли из калитки, Родион и ее закрыл. Сели в машину, поехали домой.

– Родион, так вы говорите, что Виктор не был обидчивым? А на женщину, посмеявшуюся над его дачей, обиделся.

– А на друзей не обижался. Знаете, Татьяна, однажды, я точно не помню когда, но давно – еще дачи не было, – у Чайника также был день рождения, и Иван с Романом пришли к нему домой и повесили на дверь опознавательный знак «Чайник», ну, знаете, шуточный такой знак, его на машине сзади вешают...

– Да, видела.

– Так вот. У Чайника на двери – знак «Чайник»! Гости приходят – смеются. Я тоже пришел, увидел, засмеялся. А Чайник никак не допрет – почему мы ржем? Потом ему Иван сказал, тот выглянул за дверь... И ничего, нормально это воспринял, все смеялись...

– Хорошо, когда у человека есть чувство юмора. Виктор был хорошим врачом? Ну, там... жалоб от пациентов не было?

– Насколько я знаю, нет. А вообще, это – субъективная оценка. Что значит: хороший врач или плохой? Один пациент скажет: очень хороший, потому что его быстро вылечили. Другому лечение не помогло или у него просто настроение плохое, и он скажет, что доктор – неуч и его надо уволить. Насколько я могу судить, Виктор был хорошим врачом.

– Родион, вы мне написали телефоны ваших друзей?

– А, да, вот, – Родион отдал мне листок бумаги, на котором были записаны телефоны и адреса Ивана, Романа и брата Виктора, Федора. Я убрала листок в карман.

Мы опять ехали мимо полей, деревень, посадок вдоль дороги.

– Татьяна, вы, похоже, все-таки думаете, что...

– Я пока ничего не думаю. Вернее, никаких выводов пока не делаю. Ничего необычного, кроме страфика на чердаке, я не нашла. Но надо еще сделать анализ всех продуктов и напитков, что мы нашли на даче. Вы сразу завезете меня в лабораторию?

– Да, заедем к Борьке Рудых, это патологоанатом, вскрытие делал. Я договорюсь с ним.

В городе Родион сразу поехал в морг. Он остановил машину у ворот и зашел в дверь, а я сидела минут пять в его «Ауди» и ждала. Наконец Родион вышел и сказал:

– Так, берем все наши остатки пищи и несем Борьке, пусть доедает.

Он взял из машины мешки с бутылками, с грибами и шашлыком. Я не сразу поняла, что Родион пошутил. В морге мы пошли по коридору и остановились у двери, на которой висела табличка «Лаборатория». Родион попросил меня подождать и скрылся за этой дверью. Через несколько минут он вышел оттуда с каким-то мужчиной лет под сорок, в белом халате и шапочке, с сигаретой в руке.

– Татьяна, познакомьтесь, это Борис Ефимович Рудых, патологоанатом. Борис, это – та самая Татьяна.

– Итак, она звалась Татьяной? – Борис Ефимович пожал мою протянутую руку.

– Очень приятно, – сказала я.

– Да, со мной при жизни знакомиться гораздо приятнее, чем после!

Родион кашлянул:

– Борис Ефимович у нас шутник. Пойдемте, покурим на свежем воздухе, – сказал он, доставая сигареты.

– А с кем мне еще шутить, как не с вами? Покойники на мои шутки почему-то не реагируют. Татьяна, вы на меня внимания не обращайте, – Борис Ефимович взял незажженную сигарету в рот, – при моей работе, если не шутить – с ума сойдешь. Представьте: целыми днями – одни трупы, и все их надо резать, резать... Жуть!

Мы вышли на улицу, закурили. Борис Ефимович был невысокого роста, плотный, коренастый. Он шутил свои карие глаза и часто улыбался. Даже не верилось, что этот человек работает патологоанатомом.

– Родион говорит, вы взялись расследовать смерть Виктора Чайникова? – спросил Борис Ефимович, выпуская дым в сторону.

– Да, взялась. Хотя пока что ничего криминального я в этом деле не вижу.

– Я тоже ничего такого не нашел. В его желудке я даже грибов не обнаружил, только мясо и полведра водки. – Патологоанатом выразительно посмотрел на Родиона.

– Ну, не надо, Ефимыч, не позорь меня перед дамой. Какие полведра, всего-то по поллитра выпили...

– Кому ты говоришь, Микеланджело? А концентрация алкоголя в крови? Сказать, сколько было промилле?

– Борис Ефимович, как же вы тогда узнали, что покойный отравился именно грибами? – спросила я.

– Да просто: в лаборатории сделали химический анализ содержимого желудка и анализ крови. Химический анализ показал, что в пище присутствуют мясо, овощи и «цэ-два-аш-пять-о-аш», а в крови нашли яд фаллоидин. Он содержится в бледной поганке, это один из самых ядовитых грибов. У Виктора практически не было шансов выжить. И еще положение усугубил этиловый спирт, в простонародье – водка. Если бы они не нажра... не напились так, Виктор почувствовал бы симптомы отравления раньше и, возможно, успел бы сделать себе промывание желудка и принять противоядие. Но большое количество спиртного затормозило процесс всасывания яда в кровь, потому что спирт всасывается раньше. Виктор не почувствовал, что отравился, а потом, когда в кровь хлынуло огромное количество яда, было уже поздно. Он либо спал в это время, либо просто ему внезапно стало так плохо, что он упал и потерял сознание. Вывод: пейте меньше, ребята! Больше шансов остаться в живых.

– А когда, по-вашему, он умер?

– Часа в три ночи, максимум – в полчетвертого.

– Значит, вы тоже считаете, что ничего криминального... Насильно его не кормили?

– Нет: остались бы следы на губах, я имею в виду, повреждения. Так что зря ты нанял частного детектива, – сказал Борис Ефимович Родиону, – только деньги потратишь.

– На то нам деньги и даются, чтобы их тратить, – философски заметил Родион.

– Ну, да, вы там, в косметологии, за маленькие носики и силиконовые... бюсты такие бабки получаете! Можете частных сыщиков нанимать. Не то что мы здесь...

– Ефимыч, что за вопрос, переходи к нам, тоже начнешь большие деньги заколачивать.

– Да куда уж мне! Я умею только в трупах ковыряться, резать да шить, ты же знаешь. А у нас клиенты неблагодарные: даже «спасибо» не говорят, не то что ваши...

– Борис Ефимович, вас к телефону, срочно! – послышался за дверью женский голос.

– Ну, все, ребята, я пошел. Будет нужда – заходите ко мне, только своими ногами, договорились? – Патологоанатом скрылся за дверью.

– Что значит – договорились?! Мы сами того же хотим, – успел сказать Родион.

Мы сели в машину.

– Куда вас теперь отвезти? – спросил мой клиент.

– Родион, а когда за результатами анализа прийти?

– Я договорился, что, когда они будут готовы, он сам мне позвонит.

– Тогда отвезите меня на стоянку, где моя «девятка», – попросила я. – И на сегодня, наверное, все. Вы мне пока не нужны, буду держать вас в курсе.

Родион доставил меня к моей машине и уехал. А я пересела в свою родную «девятку» и направилась домой. Надо было все хорошенько обдумать и созвониться с друзьями Родиона, условиться о встречах. Предстоит с ними всеми поговорить, кто знает, может, что-то и вылезет?

Нашла же я стразинку на чердаке. Да и следы... Само по себе, все это очень странно. Так что хоть дело и кажется мне пока еще «чистым», но темные пятнышки на нем уже начали появляться.

2

Дома, перекусив на скорую руку, я набрала номер Ивана Белобородова:

– Иван Матвеевич? Здравствуйте, вас беспокоит Иванова Татьяна, частный детектив. Ваш друг Родион...

– Да, я в курсе, он мне звонил. Здравствуйте. Чем могу помочь?

– Нам бы надо с вами встретиться и поговорить.

– Боюсь, сегодня это будет сложно. Я на дежурстве, в больнице. Вы, конечно, можете приехать ко мне, но поговорить нам удастся, если только не будет экстренной операции. У нас ведь знаете как? Сейчас я с вами говорю, а через секунду мне в отделение позвонят из приемного и скажут, что везут пациента на срочную операцию... Так что давайте лучше сделаем так: если время терпит, мое дежурство кончается завтра утром. Тогда мы сможем побеседовать спокойно.

– Хорошо, когда и куда мне подъехать?

– Раньше десяти я вряд ли уйду, давайте в десять, около моего – второго – корпуса, прямо у входа. Там скамейка стоит под акацией.

– Ладно, завтра утром я буду на ней сидеть. До свидания.

– Всего доброго!

Он отключился. Ну, что ж, договорились, и то хорошо. Теперь надо позвонить последнему из друзей покойного. Я набрала номер Романа.

– Роман Олегович? Здравствуйте. Это говорит Татьяна Иванова. Мне...

– Знаю, знаю. Шеля звонил. Здравствуйте.

– Я бы хотела поговорить с вами. Когда и где это можно сделать?

– Так, у меня через час заканчивается прием... Вы можете подъехать ко мне в поликлинику, если вам удобно.

– Да, вполне. Диктуйте адрес.

Я записала адрес, номер кабинета доктора Ухова и, поскольку время у меня еще было, пошла заваривать себе кофе. Надо же, как быстро я сегодня все провернула! И место происшествия уже осмотрела, и в лабораторию на анализ остатки пищи отдала, и с еще одним свидетелем сейчас встречу. Только вот пока что ничего криминального я так и не вижу в этом деле. Я пила кофе и вспоминала дачу. Все ли я осмотрела? Да, похоже, все. И, кроме чердака, на даче нет ничего подозрительного. Конечно, то, что калитка у Чайника практически никогда не закрывалась, это плохо. Свободный доступ кого угодно к месту происшествия... Придется еще опросить всех соседей по даче, кто что видел или кого. Соседи при расследовании – самые лучшие помощники. А пока поговорим с непосредственными участниками событий. Допив кофе, я оделась и поехала на встречу с Романом Уховым.

* * *

В коридоре перед дверью с табличкой «Уролог. Ухов Роман Олегович» я оказалась одна. Похоже, все больные сегодня у доктора закончились. Я хотела заглянуть в кабинет, но тут к двери подошла девушка, должно быть, медсестра, и спросила:

– Вы к доктору? Как ваша фамилия?

– Я Иванова Татьяна. Но я...

– Минуточку, я доложу... – Девушка скрылась за дверью, оставив ее неплотно закрытой. Я услышала, как она сказала кому-то обо мне, и мужской голос ответил:

– Все, на сегодня прием окончен. Скажи больной, пусть придет завтра, я приму ее без очереди.

Девушка вышла ко мне, но, едва открыла рот, как я опередила ее:

– Я не больная и не на прием! Скажите доктору, что я от Шелестова, звонила час назад...

Девушка опять скрылась в кабинете. Через пару минут дверь приоткрылась, показался мужчина в белом халате. Стоя ко мне полубоком, он говорил кому-то:

– Да при чем здесь кукурузные рыльца, дорогая моя?! У вас опущение обеих почек! Что называется, поздно пить боржоми. Вам необходимо кардинальное лечение. Вы хоть понимаете, что такое нарушение функции почек? Короче, мой вам совет: идите домой, берите зубную щетку и тапочки и бегите срочно в больницу. А кукурузные рыльца можете продолжать пить, если хотите, хорошая помощь почкам. Но лечение все равно должно проходить в больнице. Все, до свидания.

Из кабинета вышла пожилая женщина, держа у глаз платочек. Она попрощалась с доктором и пошла по коридору.

– Заходите, – пригласил меня доктор и первый шагнул в свой кабинет. Я зашла.

– Здравствуйте, Роман Олегович, – сказала я.

– Здравствуйте еще раз. Так, Зоенька, – доктор повернулся к медсестре, – можешь быть свободна. Эти направления отдай на подпись главврачу, а карточки сдай в регистратуру.

– Хорошо, Роман Олегович. До завтра. – Девушка подхватила карточки и выпорхнула в коридор.

– Слушаю вас, – доктор повернулся наконец ко мне.

– Роман Олегович, я хотела поговорить о покойном Викторе Чайникове. Что он был за человек, какой врач? Вы ведь его хорошо знали.

– Как и все, – Роман Олегович встал, снял халат, повесил его на крючок. Это был высокий худощавый мужчина в очках, с гладко зачесанными назад светлыми волосами. Тонкий острый нос, прямые брови, голубые глаза, загорелое вытянутое лицо. Он был одет в джинсы и рубашку с коротким рукавом.

– Мы учились вместе в институте, жили в одной комнате в общежитии, да и после института дружили... Только я не знаю, что рассказывать! Человек Виктор был хороший, во всяком случае, к нам, своим друзьям, он относился порядочно и честно. Веселый был, гостеприимный, на дачу к себе приглашал. В долг давал... Что еще?

– Роман Олегович, в тот день, второго августа, вы ничего подозрительного или необычного не заметили?

– А что подозрительного я мог заметить? Нет, все было, как обычно. Все напились, как только Ирина уехала, дурачились... Да вам, наверное, Шеля... то есть Родион Максимович рассказывал?

– Он рассказывал, мы и на даче с ним были, но я хотела услышать от вас.

– Все было, как всегда. Чайник... Виктор опять грибы свои дурацкие приготовил... Я ему говорил: ну кто будет есть твои грибы, когда шашлык на подходе? А он: давайте, вкусно, мол, с лучком, с морковкой...

– То есть вы грибы не ели?

– Нет. Я люблю только соленые, исключительно с картошкой и под сто грамм. Ирина нам такую здоровую бадейку салата настругала! Я вообще считаю, что мясо лучше есть с овощами, а грибы... сомнительная это пища, доложу я вам. Каждый год столько людей травится... Да, вот и Чайник... До сих пор не могу поверить...

Доктор задумчиво смотрел в одну точку, постукивая пальцами по полированной крышке стола.

– А каким доктором Виктор был?

– Доктором? Да кто знает... Он никогда не говорил о своей работе. Были, наверное, конфликты, как у всех нас. Вы вот видели – от меня сейчас женщина вышла. Второй раз приходит. Я ей говорю: вам надо лечь в больницу, у вас положение серьезное, а она мне: назначьте лечение, я буду дома таблетки пить. И ведь не ляжет – голову даю на отсечение! Через пару дней в третий раз явится. Я не выдержу, накричу на нее, а она пойдет на меня главврачу жаловаться. И я буду плохой! А как с такими бестолковыми себя вести? Не исключено, что и у Виктора разборки с больными бывали. Он был врачом чисто женским, а вы, женщины, народ капризный... Но я об этом ничего не знаю.

– Ваша жена никогда не обращалась к Виктору как к доктору?

– Моя жена – кстати, мы не расписаны пока, Шеля... то есть Родион, наверное, вам говорил... Так вот, она сама медик и знает, что от чего принимать.

– То есть она к нему не обращалась?

– Насколько я знаю, нет. Но у нее и проблем подобных не было, по части женского здоровья.

– Понятно.

– Вы знаете, честно говоря, меня удивило, что Родион нанял вас. Человек отравился грибами, что здесь криминального? Сам их в лесу рвал, сам готовил и ел тоже сам. Мы еще посмеялись над ним. Ну, правда, Иван ему помог. Так что я не понимаю, что вы хотите здесь найти...

– Я тоже пока не понимаю, но, честное слово, кое-что необычное уже есть.

– Да? И что же, если не секрет?

– Извините, пока секрет. Во сколько вы приехали на дачу?

– Где-то в двенадцатом часу...

– А грибы во сколько ели?

– Да почти сразу же. Так, мы переоделись в шорты-майки, водку в погреб спустили, кроме одной бутылки, а через несколько минут выпили. Ну, часов в двенадцать...

– В тот день никто из вас на чердак не лазил?

– А что там делать? Там везде пыль, свалка ненужных вещей. Я на чердаке был единственный раз, лет семь тому назад... Ничего интересного. И вряд ли что-то там изменилось за эти годы.

Да, доктор, вы правы, ничего там не изменилось. Только пыли, наверное, стало больше.

– Роман Олегович, что еще вы там пили, кроме водки, разумеется? Я имею в виду: минералку, чай?

– Да кто что. Я люблю во время застолья минеральную воду пить, а Виктор, насколько я знаю, пил обыкновенную родниковую воду. У него на даче колодец есть... Так, Иван тоже минералку пил... А может, и родниковую... Да я не помню точно.

– Ясно. Ваша жена бывала когда-нибудь на даче у Виктора?

– Шутите! Он терпеть не мог женщин на своей даче. Нет, мы отдыхали там чисто мужской компанией. Он любил так: чтобы в баньке попариться голышом, анекдоты потравить, с... крепким словом, частушки попеть... от души, по-русски. Ну и выпить так уж выпить. В общем, оторваться по полной.

– Так... Я могу познакомиться с вашей женой?

– С Людмилой? Зачем? Ее там даже не было.

– Это нужно для следствия. Мне интересно – что она скажет о вашем умершем друге? Женщины ведь гораздо более наблюдательны, чем мужчины. Поверьте, я не буду мучить ее вопросами. И я намерена познакомиться также с женами остальных ваших друзей.

– Конечно, вам виднее, но мне все же непонятно, что странного в смерти от отравления грибами? А что он отравился именно грибами – это и патологоанатом, между прочим, подтвер-

дил. Да мы и сами это знали, без всякого вскрытия, еще на даче, все признаки были налицо: зрачки расширены, лицо синюшнее, отеки, белки глаз желтоватые... Все как по учебнику.

– Роман Олегович, вполне может получиться так, что я только подтвержу официальную версию. У меня пока больше нет к вам вопросов. А вы, если вспомните что-то интересное, можете позвонить мне вот по этому телефону. – Я положила на стол доктора свою визитку.

Он взял ее, посмотрел и поднял на меня глаза.

– И, пожалуйста, познакомьте меня со своей женой. Я готова встретиться с ней, когда и где ей удобно.

Доктор пожал плечами:

– Хорошо, я скажу Людмиле...

Мы попрощались, и я вышла из кабинета. По дороге домой я обдумывала сведения, полученные сегодня, и составляла в голове список подозреваемых. Первым делом это все три друга. Да, три, хотя Родиона, пожалуй, можно все-таки исключить. Он так настаивал на этом расследовании, тем более сам оплачивает его... Ладно, остаются два друга – Роман и Иван. Далее, их жены, числом три, включая гражданскую. Так, кто еще? Соседи по даче, этих обязательно надо проверить. Может, Виктор у кого-то морковку по ночам с грядки таскал? Соседи часто конфликтуют. Далее. Сослуживцы, вернее, коллеги по клинике. У кого-то мог быть зуб на Виктора как на конкурента. Хотя... Что им всем можно предъявить? «Извините, но ваш знакомый поел грибов и отравился. Мне кажется, это вы внушили ему идею – пообедать бледными поганками...» Какая чушь! Все говорят: грибы он собирал и готовил сам. Может, вообще нет смысла никого проверять? А стразик на чердаке... Да мало ли... Ох, Татьяна Александровна, а не зря ли вы взялись за это дело? Ведь даже предъявить ничего никому нельзя! Не было здесь преступления, скорее всего, просто его величество Случай. Несчастный. Или, как еще говорят, судьба сыграла с Виктором злую шутку: любитель грибов умер от своего любимого блюда! Нет, конечно, всех его знакомых я все равно проверю, хотя бы для порядка. Для отчетности перед клиентом. Проверю и доложу: никто к смерти Виктора Чайникова отношения не имеет, кроме него самого. Но деньги возьму. Работа проделана – извольте оплатить!

Дома, поедая приготовленный на скорую руку ужин, я опять обдумывала это дело. Ну, как хотите, нет здесь ничего необычного! Но надо работать дальше по списку. Попив кофейку и выкурив сигаретку, я набрала домашний номер Родиона. Он почти сразу взял трубку.

– Родион? Это Татьяна вас беспокоит...

– Да, слушаю.

– Родион, я считаю необходимым познакомиться с вашей супругой. Поскольку она тоже была на даче, она могла увидеть что-то, чего не заметили вы, мужчины. Спросите, пожалуйста, когда у нее будет время встретиться со мной.

– Хорошо, сейчас спрошу...

С минуту в трубке была тишина, потом я услышала приятный женский голос:

– Татьяна? Здравствуйте, меня зовут Ирина, я – жена Родиона.

– Здравствуйте, очень приятно. Ирина, я бы хотела поговорить с вами...

– Да, Родион сказал мне... Только я не знаю, о чем? Я ничего особенного не видела в тот день.

– Вот и хорошо. Об этом и побеседуем. Когда вы сможете?

– Вообще-то в любое время. Я сейчас не работаю, у нас в гимназии каникулы.

– Прекрасно. Завтра, ближе к обеду, вас устроит? Часов в одиннадцать я позвоню и уточню время.

– Ну, хорошо... До завтра.

Я положила трубку. Вот и ладненько, в десять я встречаюсь с Иваном, ближе к обеду – с Ириной. На сегодня все, мозговая деятельность прекращается, надо отдохнуть. Я включила

телек и лениво смотрела какие-то фильмы и передачи, пока не почувствовала, что засыпаю. Последнее, что я сделала, прежде, чем провалиться в сон, – выключила телевизор.

Утром, открыв глаза, я посмотрела на часы: восемь. Значит, только легкая разминка, водные процедуры и кофе. В десять мне надо быть уже на скамейке под акацией.

В начале десятого я вышла во двор и села в свою «девятку». С учетом пробок доеду как раз к назначенному времени. Так и получилось. Без двух минут десять я подошла к скамейке. На ней сидел мужчина лет тридцати пяти, невысокого роста, среднего телосложения, с темно-русыми волнистыми волосами. Он был одет в легкие летние брюки и майку с карманом на груди и на рукаве. Я спросила мужчину:

– Иван Матвеевич?

– Да, это я. Здравствуйте.

– Здравствуйте. Давно ждете? – Я присела рядом с ним на скамейку.

– Не очень. Просто освободился раньше, чем ожидал. Так о чем вы хотели меня спросить? – Доктор достал из нагрудного кармана сигареты.

– Иван Матвеевич, вы второго августа вместе с вашими друзьями были на дне рождения у Виктора Чайникова. Может быть, заметили что-то необычное? Кто-то приходил из тех, кого не приглашали, или... вообще, было ли что-то странное?

– Странное? Хм, не знаю, по-моему, ничего особенного не было. Пили много, как всегда, ели шашлык, тоже, как всегда... Ирина, жена Родиона, приезжала. Ее Чайник точно не приглашал. Она привезла нам сметану для салата, а мужу – кефир. Но Ирина только салат нам порезала и сразу уехала. Она знала, что Виктор не терпит женского присутствия у себя на даче.

– Иван Матвеевич, вы на чердак не лазили? Я имею в виду не только вас лично, но и ваших друзей.

– На чердак? Нет, а зачем? Я на чердаке у него и не был никогда. Чайник не приглашал, а шарить самому по чужому дому, согласитесь, некрасиво. Да там, кто-то из ребят говорил, только сломанная мебель. Но в тот день никто туда не лазил, вернее, я этого не видел.

– Как получилось, что вы с Виктором вдвоем ели грибы, он умер, а у вас, насколько я знаю, даже признаков отравления не было?

– Поверьте, для меня это тоже загадка! Когда я увидел, что он умер, чуть... ну, в общем, неприятно стало, конечно. Мы ведь сразу поняли, что это от грибов.

– А может, он умер потому, что съел больше вас?

– Конечно, он съел больше меня, но и я умял прилично... Нет, скорее всего, ему попались ядовитые грибы, а мне просто посчастливилось...

– Когда-нибудь раньше вы ели грибы, приготовленные Виктором?

– Ел, конечно. Вот в прошлом году, помню, тоже было много грибов, Чайник на день рождения нажарил большую сковороду, и мы с ним вдвоем ее «уговорили». Ничего, все нормально было. А в этот раз такое мясо привезли! Я хотел оставить в желудке место для шашлыка.

– И вы совсем ничего не почувствовали? Я имею в виду – тошноту, боль в животе?

– Татьяна, не забывайте: я сам врач! Если бы я почувствовал, что что-то не так, я бы сразу сделал себе промывание желудка. Не ждал бы, когда начнутся судороги.

– Вам не кажется странным, что Виктор умер внезапно? Насколько я знаю, отравившиеся, прежде чем умереть, долго мучаются?

– Да, все правильно. Честно говоря, мне тоже кажется странным, что он умер так быстро, здесь я с вами согласен. Виктор должен был почувствовать признаки отравления. Сначала начинает болеть живот, появляется тошнота. То есть наступает расстройство желудочно-кишечного тракта. У больного открываются понос, рвота... А он не жаловался. Только, мне кажется, был излишне возбужден. Но это могло случиться и от выпитого. Мы ведь все хорошо «приняли» в тот день. Чайник любил, когда все напиваются и дурачатся, как маль-

чишки. Но, Татьяна, я не специалист по отравлениям. Вам надо поговорить с патологоанатомом, возможно, еще какие-то факторы способствовали его быстрой смерти.

– Обязательно поговорю. Кстати, ваша жена... как ее зовут?

– Юля.

– Она никогда не была на даче Виктора?

– Была. Один раз. Года три тому назад, Юля тогда еще беременной была, мы с ней гостили у ее родственников в деревне, это недалеко от дачи Виктора. Едем мимо на машине, Юлин дядя нас вез. Я возьми и скажи, что дача Чайника рядом. Юля говорит: давай заедем. Я пожалел, что сказал. Знал ведь, что грибнику нашему это не понравится! Но отказать жене не мог. Заехали. Я по физиономии Чайника сразу понял, что зря это сделал. Нет, он, конечно, ничего не сказал, даже в дом нас пригласил. Но... как-то так вяло. Он с родителями (они тогда еще живы были) у себя на фазенде решил порядок, что ли, навести, они там мебель двигали, мама Виктора окна мыла, отец с лопатой бегал... В общем, мы поняли, что мы здесь гости не желанные, минут пятнадцать побыли для приличия и уехали.

– Иван Матвеевич, правда ли это, что вы остались должны Виктору... некоторую сумму денег?

– А это откуда вам известно?

– Мне сказал Родион. Только вы на него не сердитесь, поверьте: я должна знать все. Иначе не распутаю это дело.

– Да что тут распутывать?! Все ясно как божий день! Его что, застрелили, задушили, зарезали? Что еще Шеля придумал, ей-богу...

– Иван Матвеевич, почему вы так расстроились? Многие люди берут в долг...

– Расстроись тут... Я остался ему должен десять тысяч. До его дня рождения должен был двадцать, а второго, когда мы приехали на дачу, я отдал ему половину остатка. Он убрал деньги в буфет, я видел. Так что мой долг теперь составляет всего десять тысяч. Только вот кому теперь отдавать? Родители Виктора уже умерли. Говорят, двоюродный брат наследует его квартиру и дачу. Наверное, придется ему отдать...

– Наверное. Да: а какая квартира у покойного?

– Двухкомнатная. Район, правда, не очень... Он ее поменять собирался на такую же, но в центре. Деньги копил...

Доктор бросил в урну догоревшую сигарету. Посмотрел на меня:

– У вас еще есть вопросы?

– Кто-нибудь видел, как вы отдавали Виктору деньги?

– Представьте себе, нет! Я вообще не афишировал, что был ему должен. Конечно, ребята и так знали, но мне было неловко... Мне и сейчас неудобно говорить об этом, вы что, не понимаете?

– Иван Матвеевич, поверьте, я спрашиваю не из праздного любопытства, мне эти сведения необходимы для дела...

– Еще вопросы у вас есть?

– Последний. Хотелось бы познакомиться с вашей женой. Она ведь, кажется, сейчас не работает, в отпуске по уходу за ребенком?

– А Юля-то какое отношение имеет к смерти Чайника?!

– Скорее всего, никакого. Но у меня такой метод расследования – знакомиться со всеми, кто знал покойного. Иногда человек, от которого ты ничего не ждешь, может рассказать столько интересного! Так что я очень рассчитываю поговорить с вашей женой, как, впрочем, и с женами ваших друзей. Если ей не с кем оставить ребенка, я могу подъехать к вам домой.

– Ладно, я спрошу у Юли, потом позвоню вам. А сейчас мне пора отдыхать. Я сутки на ногах, и у меня сегодня ночью была операция. Так что... – Иван Матвеевич встал. – До свидания, – сказал он и зашагал по аллейке к выходу.

– До скорого свидания. – Я смотрела ему вслед. Не понравилось доктору, что я про деньги спросила! Ладно, не последний раз, надеюсь, видимся.

Я посмотрела на часы: было только десять тридцать. А позвонить Ирине я обещала в одиннадцать. Я осталась сидеть на скамейке и, чтобы зря время не терять, решила «подумать свои мысли», как выражаются в анекдотах, а заодно и покурить. Так, дорогая Татьяна Александровна, что мы имеем? А ничего мы не имеем. Из всех, с кем я вчера и сегодня поговорила, подозрительным кажется только Иван Борода. И то потому, что он должен был покойному, по его словам, опять же, десять тысяч. А кто-нибудь видел, как Борода отдавал деньги Чайнику? Не видел. Эх, не знала я про деньги раньше, когда мы на даче все осматривали, а то заглянула бы в буфет! А вдруг Иван другу деньги не отдал? Может, и не отдал, свидетелей-то нет. А вдруг он не только не отдал, но и еще занял, все ведь говорят, что Чайник был человеком безотказным, всем в долг давал. А Ивану опять деньги понадобились... Зарплата у него, как я понимаю, маленькая, жена сейчас не работает, да еще ребенок, которого кормить-одевать надо. А это мотив! Так, и что же мог сделать Иван? Уговорить Чайника покушать грибочков? Чайник и так их любил. Подложить ему бледные поганки в тарелку? Для этого надо было нарвать и приготовить их заранее. Интересно, сам Иван разбирается в грибах? Надо будет это выяснить. А как вообще можно заставить человека съесть ядовитые грибы? Для этого надо: во-первых, эти грибы при себе иметь, во-вторых, разбираться в них, потому что вот лично мне абсолютно без разницы, что мухомор, что подосиновик. Так, а в-третьих, надо постоянно крутиться рядом с человеком, которого ты пытаешься отравить. Ну, это-то как раз просто: калитка у Чайника не закрывалась, а где находится дача, знали не только друзья, но и их жены. А если кто и не знал, то выяснить это – не проблема. Допустим, что все знали. Теперь – мотив. За что можно хотеть убить человека, и не просто человека, а друга или друга мужа? Деньги – это мотив, если их не хотели отдавать. Что еще? Кому Чайник мог насолить и чем? Да, мне ясно пока только одно: мне ничего не ясно! Не вижу я, за что тут можно ухватиться. И я все еще считаю: вполне вероятно, что дела здесь никакого нет...

Я посмотрела на часы: одиннадцать. Пора звонить Ирине. Я набрала ее домашний номер.

– Квартира Шелестовых.

– Здравствуйте, Ирина, это Татьяна Иванова.

– Здравствуйте, Татьяна. Я помню наш вчерашний разговор. Если вы свободны, подъезжайте ко мне, я дома, – и она продиктовала адрес.

Я прыгнула в свою машину, по дороге заскочила в магазин и купила коробку конфет. Это на всякий случай. Через двадцать минут я остановилась около дома, указанного в адресе. Район средненький, не центр, конечно, но и не выселки. Старый четырехэтажный дом. Второй этаж. На площадке – три двери. Нужная мне оказалась самой шикарной: массивной, из настоящего дерева. Она открылась почти сразу после моего звонка, и на пороге я увидела очень симпатичную молодую женщину лет тридцати, в ярком трикотажном сарафане. Она была брюнеткой, с большими карими глазами и изящно изогнутыми бровями. Среднее телосложение, средний рост, каштановые вьющиеся волосы, собранные в «хвост». Ирина улыбнулась:

– Проходите, можете не разуваться.

Но я все равно сбросила шлепки в прихожей: полы у нее чистые, зачем заставлять хозяйку делать лишнюю работу.

– Я чайник поставила, попьем чайку? – Ирина указала мне на диван. – Можете сесть сюда или в кресло, куда хотите. Я вас оставлю ненадолго, заварю чай, – она вышла в кухню.

Я осмотрелась. Хорошая большая комната, светлая, два высоких окна. Дорогие современные обои, добротная мебель. Все предназначалось для гостей: диван, два кресла, маленький столик между ними, большой плоский телевизор. На окнах и на специальных подставках

стояли цветы в горшках – много красивых цветов. В углу – большая пальма. На полу – большой шерстяной ковер. Видно было, что хозяева не стеснены в средствах.

– А вот и чай!

Ирина вошла в комнату с подносом, на котором стояли чашки и тарелка с пирожными. Я достала коробку конфет и положила на столик. Ирина поблагодарила и без лишнего жеманства открыла ее. Я бы, конечно, с удовольствием выпила кофейку, но, поскольку мне не предложили, взяла чашку с ароматным чаем. Это был дорогой сорт, я это почувствовала по запаху. Хозяева на себе не сэкономили.

Ирина не торопила меня. Она молча взяла конфету из коробки, положила в рот и причмокнула, вскинув свои красивые брови, давая мне понять, какую вкуснотищу я ей принесла.

– Вы любите шоколадные конфеты? – спросила я, чтобы как-то начать разговор.

– Обожаю! Знаете, я ведь в гимназии преподаю, благодарные родители дарят мне на праздники цветы и коробки конфет, и в этом у нас нет недостатка, но все равно, как увижу конфеты, не могу удержаться, ем, и много ем.

– И при этом умудряетесь сохранять фигуру, – сказала я.

– У меня конституция такая, я не расположена к полноте, во всяком случае пока.

– Потому что вы еще не рожали. А вот родите и, скорее всего, начнете полнеть. Все мои подруги поправились после родов.

Легкая тень промелькнула на ее лице, совсем легкая, но я уловила, что что-то не так.

Ирина мне ничего не ответила, только взяла из коробки еще конфету, а мне пододвинула тарелку с пирожными:

– Угощайтесь.

– Спасибо. – Я взяла в руку шедевр кондитерского искусства.

– О чем вы хотели меня спросить? – Ирина спокойно посмотрела на меня своими красивыми карими глазами.

– Ирина, вы второго августа приезжали на дачу к Виктору...

– Да, Родион забыл дома кефир и сметану. Я ему купила, чтобы он их с собой взял, а когда он уехал, я через некоторое время вышла в кухню, смотрю: все лежит на столе. Вот растяпа! Я поехала на автовокзал, села в автобус...

– Вы так заботитесь о своем муже! Это очень трогательно. Сейчас не часто увидишь таких заботливых жен. Наверное, вы много времени потеряли с этой поездкой?

– Да нет, что вы! Зато салат им порезала. Вы представьте: четыре мужика пьют, а шашлык еще не готов, и чем же они закусывают? Рвут помидоры и огурцы и едят целиком! И хорошо еще, если помыли их! Ну, я и сделала им салат, чтоб они хоть закусили нормально.

– Вы видели, что Виктор грибы приготовил?

– Да. – Лицо Ирины помрачнело при упоминании имени покойного. – Виктор, бедный Виктор... Завтра будет девять дней. Родственники еще не звонили, не приглашали... А грибы он приготовил, это верно, он всегда грибы собирал, у него ведь там лес рядом. Ой, что это я вам рассказываю? Вы ведь были там с Родионом, он мне говорил.

– Вы сами грибы не ели?

– Я там ничего не ела, только приготовила салат. Виктор не любит... не любил, когда на его даче появлялись женщины. Поэтому я быстро уехала.

– Ирина, как вам кажется, Виктор был хорошим человеком?

– Да, человек он был хороший и друг – тоже. И врачом тоже хорошим... был.

– Откуда вы знаете? Обращались к нему?

– Нет, я хожу в свою поликлинику, участковый врач у нас опытный, мне нравится. А потом... Знаете, я стеснительная, я бы к мужчине не пошла. Мой врач – пожилая женщина. Так что к Виктору мне не было нужды обращаться.

– Откуда же вы тогда знаете, что он хороший специалист?

- Слышала. От знакомых...
- Где Виктор работал?
- В платной гинекологической клинике, на улице Гончарова.
- А, да, знаю. Дорого там берут?
- Нет, в разумных пределах. А почему вы чай почти не пьете? Говорят, в жару надо чай пить, и обязательно – горячий.
- Я пью, спасибо. Ирина, как вы с вашим мужем познакомились?
- Это относится к делу? – Хозяйка удивленно вскинула брови.
- Нет, конечно, это я из женского любопытства спросила. Можете не отвечать, если это секрет.
- Да какой секрет? Видите мои уши? – Ирина приподняла волосы над ухом и повернулась ко мне боком.
- Хорошие уши, – сказала я, – очень аккуратные и симпатичные.
- Да, это сейчас. А раньше они торчали и очень меня портили. Я ходила с длинными распущенными волосами, чтобы их скрыть. А когда стала в гимназии работать, накопила денег, ну, и родители немного подкинули, и пошла я в клинику, уши исправлять. Да, да, почему вы так удивленно смотрите? Родион меня и оперировал. Он тогда только начал самостоятельно оперировать, и я была одной из первых его пациенток. Он так за мной ухаживал! Я имею в виду, как за пациенткой. Дней пять я лежала в его клинике, он каждый день приходил ко мне в палату, осматривал и обрабатывал швы, потом выписал меня, но велел через каждые два дня приезжать к нему. Я ездила, ездила... И вот результат! – Ирина улыбнулась. – Почти семь лет мы вместе. И уши мои теперь не портят мою внешность.
- Неудивительно, что Родион полюбил вас, вы очень милая и симпатичная.
- Спасибо, – Ирина снова улыбнулась. Она действительно очень мило улыбалась.
- Моя последняя фраза, кстати, вовсе не была комплиментом в ее адрес.
- Ой, а хотите, я вас баклажанной икрой угощу? Я сегодня с утра нажарила целую сковороду, – предложила она вдруг.
- Ну, дайте немного попробовать. Кстати, почему сейчас баклажаны на базаре? – спросила я, как заправская домохозяйка.
- На каком базаре? Что вы, Татьяна, это с дачи моих родителей. У них уже помидоры пошли, баклажаны и перец, они вчера заехали с дачи к нам, поделились урожаем, вот я мужу обед и приготовила, Родион любит икру.
- У ваших родителей есть дача?
- Да, в Шатуневке.
- О, я знаю, где это! Хорошее место, там и лес недалеко.
- Да, вы правы, – Ирина пошла в кухню и принесла мне в маленьком салатнике немного икры.
- Пришлось попробовать. Икра оказалась очень вкусной. Ну что за хозяйка! И сама красавица, и готовит отменно. Повезло Родиону.
- Ваши родители наверняка ходят в лес за грибами? – спросила я как бы между прочим.
- Нет. Отцу грибы нельзя: у него печень... Родион грибы не ест, не любит. Я тоже к ним равнодушна. Могу немного покушать, если угостят, а если нет, то как бы и не надо. А мама из-за себя одной столько времени терять не хочет. Ведь обработка грибов – дело очень канительное. Да к тому же она плохо в них разбирается. Сейчас вот огурцы пошли, мама их консервирует на зиму. Икру делает, а это тоже требует много времени...
- Вы часто к родителям ездите на дачу?
- Ездим, помогать-то надо, и мы часть урожая себе берем.
- Вы и консервацию на зиму делаете?

– Конечно, пока я в отпуске. А он уже заканчивается. Двадцать пятого мне на работу, надо готовить гимназию к новому учебному году.

– Ирина, я слышала, что в гимназии зарплата учителей намного больше, чем в обычных школах?

– Да. Не намного, как некоторые думают, но больше. У нас обучение платное. Зато и даем мы ребенку знания более качественные. Классы у нас маленькие, по восемнадцать, максимум по двадцать человек. И спрашиваем детей чаще, почти на каждом уроке. Все это заставляет ребенка лучше учиться. Он знает: его могут завтра спросить, и, чтобы не опозориться перед классом, он должен хоть что-то ответить. Впрочем, зачем я это вам рассказываю, вам это неинтересно.

– Нет, почему же... У меня есть подруга, учительница французского в обычной школе. Так она говорит, что попасть на работу в гимназию практически невозможно, только по большому благу. А вот вам как-то удалось...

– Подруга ваша права, меня тоже взяли по знакомству. Но я считаю, что заслужила это: у меня красный диплом.

– О! Тогда конечно... И устроили вас, наверное, родственники?

– Моя хорошая знакомая... Ну, как вам икра? Хотите добавки? Я принесу...

– Нет, спасибо, я уже наелась, – я отдала салатничек хозяйке. – В какой гимназии вы работаете?

– Зачем вам? Пойдете наводить обо мне справки? Уверяю вас, все скажут обо мне только хорошее. Я не уваливаю от общественной работы, не конфликтую с учениками и родителями...

– Ирина, ну что вы! Просто мне интересно. Кстати, если у вас появится вакансия учителя французского языка...

– У нас не бывает вакансий. И французский язык у нас не преподают, только английский.

– Очень жаль! Моя подруга... А впрочем, бог с ней.

Мы поговорили еще некоторое время, так, обо всем и ни о чем. Потом я поняла, что не могу больше злоупотреблять гостеприимством хозяйки, и засобиравшись домой. Поблагодарила за чай и вкусные пирожные, сказала отдельное спасибо за икру.

– Может, вам рецепт записать? – предложила Ирина.

Рецепт?! За кого она меня принимает! Она что, думает, что я буду целый час резать полведра овощей мелкими кубиками? Чтобы потом все это еще полчаса тушить, а потом за пять минут съесть? Я отказалась от рецепта, соврала, что вообще-то он у меня есть, просто готовить мне некогда, да и не для кого. А для себя одной – не хочется. Мы с Ириной попрощались, и я вышла на улицу. Полдень. Самая жара. Мне нестерпимо захотелось пить. Зря я надулась горячего чая, да еще со сладкими пирожными. Я вспотела, и одежда прилипла к телу. Срочно домой, принять душ. Я купила в ближнем ларьке бутылку холодного спрайта и села в машину. Отпив несколько глотков прямо из горлышка, я почувствовала, что начинаю приходить в себя. В машине тоже нестерпимо жарко, я открыла окна и поехала. Ветерок залетал ко мне в салон, стало чуть прохладнее. Нет, в такую жару если уж не в Волге плавать, то хоть дома сидеть, в тени, и пить что-нибудь холодное. Я доехала до дома без происшествий, приняла душ, как и хотела, открыла балконную дверь и легла на диван, немного отдохнуть. И не заметила, как уснула.

Проснулась я оттого, что звонил мой домашний телефон. Я не сразу сообразила, где я, потом вскочила и взяла трубку:

– Да, слушаю...

Звонил Родион.

– Татьяна, я не отвлекаю вас?

– Ни в коей мере! Я... гм... ничем особенным не занята.

– Тогда у меня к вам предложение. Завтра Виктору – девять дней. Сейчас звонили его родственники, приглашали нас с женой на поминки. И не только нас. Иван и Роман тоже там будут, с женами. Приходите и вы, Татьяна. Познакомитесь с братом Виктора и сможете поговорить с женами Романа и Ивана.

– Да? Это хорошо. Я приду, диктуйте адрес.

– Кафе на Ростовской знаете? Рядом с Домом быта.

– Да, знаю.

– Мы все собираемся у входа, без четверти одиннадцать. Подъезжайте.

– Хорошо, я обязательно буду. До завтра.

– Всего доброго.

Родион положил трубку. Итак, завтра я познакомлюсь с остальными женами. Заодно и с братом покойного. Надо будет потихоньку выведать у него насчет наследства. А еще я хотела бросить кости, а то совсем непонятно, как вести расследование и чего следует ожидать? Может, они что-то подскажут. Я достала кости из мешочка. Так... я сосредоточилась. Хочу узнать, чего мне ожидать в расследуемом мной деле. Кидаю! Выпало: 28—9—20. И что же это у нас получилось? «Делу, которое вы столь смело предприняли, обеспечен успех». Ну, насчет смелости – это, конечно, немного преувеличено... Не так уж и смело я взялась за дело, но... Успех. Что ж, успех – это хорошо. Люблю я это слово! Успех – от слова «успеть», успеть что-то вовремя сделать. А вот слово «удача» для меня всегда было сомнительным. Это от слова «удить», «удочка». То есть «удача» случайна, поймал рыбку – это удача. А успех – это то, чего человек достигает своим умом, опытом, работоспособностью. Поэтому я не люблю, когда мне говорят: «Удачи тебе!» Здесь как бы идет подтекст – ты, мол, такая дура, что можешь рассчитывать только на случай. А когда мне говорят: «Успеха тебе!», я понимаю, что мне желают успеть что-то сделать самой, своим умом.

Так, что-то я в философию ударилась, в игру «Рассуждалки». То, что мне обеспечен успех, это, конечно, хорошо, но я не должна расслабляться. Успех сам собой не приходит, в отличие от удачи. Так что я не зря наметила себе план дальнейших действий: поговорить завтра со всеми остальными знакомыми и родственниками Виктора. И еще завтра нужно позвонить в морг. Напомнить о себе нашему шутнику. Но это – завтра. А сегодня уже вечер, пора на отдых.

3

Утром я проснулась в начале девятого. Так, у меня даже есть время «покачаться», и я это сделаю, надо поддерживать форму. Я взялась за гантели, но через несколько минут мои занятия прервал телефонный звонок. Я подняла трубку:

– Алло?

– Татьяна? Это Родион. Я вас не разбудил?

– Нет, нет, я уже встала. Что-то случилось?

Его голос был очень взволнованным.

– Даже не знаю, как сказать...

– Тогда скажите все, как есть.

– Мне только что позвонил Федор, двоюродный брат нашего Виктора. Они с женой в шоке. Произошло такое, что в это даже трудно поверить!.. Они звонили с кладбища...

– Да что же все-таки случилось?

– Федор с женой приехали на кладбище рано утром. Сегодня Виктору девять дней, я говорил... Так вот, они хотели перед поминками Виктору на могилу цветы положить. Подошли к могиле, а там... Жена Федора чуть в обморок не упала...

– Родион, вы можете наконец сказать, что конкретно произошло? Что с могилой? Венки украли?

– Хуже!.. Над ней надругались...

– Это как?

– Все венки разбросаны в стороны, некоторые далеко... крест вырван, валяется рядом, а на его месте... отрезанная собачья голова... вся в крови... Так Федор сказал.

– Родион, слушайте меня внимательно! Сейчас же позвоните этому Федору и скажите, чтобы они ничего там не трогали, слышите: ни-че-го! И чтобы к могиле близко не подходили, а то следы затопчут. Вы можете сейчас за мной заехать?

– Зачем?

– Поедем на кладбище, мне надо все самой осмотреть.

– Ну, хорошо. Я только позвоню на работу, отпрошусь.

– Когда вы приедете?

– Если ничего не случится, примерно через полчаса.

– Запишите мой адрес. Я буду стоять около своего дома, на улице, чтобы время не терять...

Я положила трубку и быстро пошла в душ. Кофе отменяется, макияж тоже... На кладбище можно отправиться и с ненакрашенными глазами. Что бы мне надеть поскромнее и потемнее?

Через полчаса я стояла на углу у своего дома, в темно-серых брюках и черной блузке. Родион не заставил себя долго ждать. Он затормозил рядом со мной, и я быстро вскочила в его «Ауди». Мы помчались на кладбище.

Родион остановил машину у ворот. Мы вышли и двинулись по аллейке между могилами. Идти пришлось долго. Кладбище настолько выросло и расширилось, что последние могилы были почти на самом краю какого-то оврага.

Наконец мы остановились. Родиону не пришлось показывать мне место захоронения своего друга – все и так было видно. Свежая могила, еще без ограды и памятника. Насыпанный бугорок земли был забросан цветами, выдернутыми из поломанных венков. Ошметки венков валялись вокруг. Деревянный простенький крест лежал примерно в метре от насыпи. А на его месте действительно торчала большая голова собаки, с прикрытыми глазами и оскаленной окровавленной пастью. Кровь была повсюду, много крови, как будто убили не одну собаку, а

по меньшей мере пять. Зрелище было просто жуткое! Я посмотрела на Родиона. Он был мрачнее тучи.

– Что скажете, доктор? – спросила я.

– Убью того, кто это сделал, – сказал он тихо.

– Не подходите близко, – предупредила я, взяла фотоаппарат и сфотографировала могилу с разных сторон. Потом я заметила на кресте какую-то надпись. Я придвинулась к ней и прочитала нацарапанные чем-то острым слова: «Собаке – собачья смерть!» Я сфотографировала и надпись. Внимательно осмотрела следы вокруг, но с этим было сложно: очевидно, когда хоронили Виктора и укладывали на могилу венки, здесь топталось много народу. Все-таки я кое-что рассмотрела и сфотографировала.

– Теперь можно подойти, – сказала я Родиону. Он подошел и увидел надпись на кресте. – Как вы это прокомментируете?

– Это... невероятно!

– Кто мог так ненавидеть вашего покойного друга?

– Я не знаю... Это дикость... Это чудовищно... Надо позвонить в милицию!

Родион достал из кармана сотовый.

– Да, теперь можно, – сказала я, – я осмотрела и сфотографировала все, что нужно.

– У вас есть какие-то соображения? – спросил Родион.

– Конечно, есть.

– Какие?

– Вашего друга кто-то очень сильно ненавидит. Так сильно, что даже его смерть не может успокоить этого человека. Поверьте, для подобного поступка, – я кивнула на могилу, – нужны очень веские причины.

Родион стал звонить в милицию. А я взяла чистый целлофановый пакет и положила в него комок земли, пропитанный кровью. А перед тем как убрать его, понюхала. Станный запах был у этой крови. Пахло чем-то кислым и очень знакомым. Только чем, я не могла понять. Так и так, придется сегодня ехать к шутнику-патологоанатому. Я направилась к домику для сторожей, который заприметила, когда мы еще шли сюда. Я открыла дверь и увидела в комнате двух мужчин. Они сильно ругались, используя идиоматические выражения. Один был в рабочей грязной одежде, он сидел за столом. Второй стоял перед ним, он был одет в чистое. «Чистый» кричал на «грязного»:

– А я тебе говорю, что тебе деньги за это платят, а ты не хочешь свою ж... поднять и посмотреть, что с могилой сделали!

– А я тебе в третий раз говорю: видел я, что там сделали! Только вчера там ничего не было, мы с Петровичем в восемь вечера все кладбище обошли. А сегодня утром – нате вам, собаки на могилах появились! Так это ночью кто-то сделал! А ночью мы по кладбищу ходить не обязаны...

– Я тебе покажу, что вы обязаны, а что нет, я на вас жалобу напишу! – кричал «чистый».

– Да пиши хоть министру! – махнул рукой «грязный». – Здесь могил двадцать тысяч, я что, возле каждой стоять должен?

– Черт бы вас всех побрал! – «Чистый», вытирая лоб платком, выскочил из сторожки, толкнув меня. Я выбежала за ним следом.

– Федор!

Он обернулся, недоуменно посмотрел на меня.

– Извините, не знаю вашего отчества, – я подошла к нему поближе.

– Иванович, – сказал он сердито, – что вам нужно? Вы кто?

– Я Татьяна Иванова, частный сыщик. Меня нанял Родион...

– Да, он что-то говорил... Я только не понял, зачем он вас нанял?

– Расследовать убийство вашего брата Виктора.

– Че-го?! – Федор Иванович посмотрел на меня, как на дурочку, которую по ошибке выпустили из психушки. Он был лет сорока, невысокого роста, полноват, коренаст, с загорелым лицом и похож на председателя колхоза: вроде не совсем тракторист, но и не интеллигент.

– Повторить? Вы плохо слышите?

– Да ты че, милая? «Убийство»... Витек грибами отравился, это даже этот... как его... анатом какой-то сказал!

К нам подошел Родион. Поздоровался с Федором Ивановичем за руку и сообщил, что милицию он вызвал, обещали приехать.

– Идемте к выходу, – предложила я, – там подождем милицию и поговорим по дороге.

– А че говорить-то? Слышь, Родион, твоя частная милиционерша сказала, что Витька убили!

– Она частный сыщик, – сказал Родион, – и я вас прошу, Федор, отнеситесь к ней серьезно.

– Да бросьте вы, ребята, – убили! Витька убили? Кто? За что? Кому он плохо сделал? Одиннадцать лет баб... простите, женщин лечил. А теперь вот собак на его могиле режут! Дожили...

– Федор Иванович, поверьте мне, раз такое произошло, значит, кто-то имел большой зуб на вашего брата. Два дня тому назад, берясь за это дело, я сама не верила в то, что здесь есть что расследовать, но сейчас думаю, что ваш брат отравился не сам...

– Да как же?.. Сказали – грибами... А вы говорите – убили! Значит, не сам умер?

– Во всяком случае, ему помогли.

Мы остановились у кладбищенских ворот. Мужчины закурили. Федор Иванович молчал. Он явно помрачнел. Часто сплевывал себе под ноги, отворачивался, стараясь не смотреть на меня. На его лице читалась явная настороженность по отношению ко мне.

– Федор, – обратилась я к нему, – вы являетесь единственным наследником вашего брата? И что конкретно вы наследуете?

Крепыш недовольно покосился на меня.

– Я – наследник, я один. Нет у нас больше родственников. Все Чайниковы поумирали. Я один остался.

– Ну, почему же один? У вас есть жена, насколько я знаю, и дети. Ведь дети-то есть?

– Ну, есть.

– Большие?

– Ваське семнадцать стукнуло, осенью в последний класс пойдет, а Дашке – четырнадцать. А че?

– А жена ваша?

– Зинка? А че, она – жена!

– Вот видите, сколько вас, Чайниковых, – четверо, так что вы не один.

– Ну, это да...

– Значит, вы – наследник. И что вам досталось после смерти брата?

– Квартира двухкомнатная да дача.

Я продолжала выпрашивать у Федора.

– Где вы сейчас живете?

– В квартире.

– Сколько у вас комнат?

– Одна...

– В однокомнатной – вчетвером? Со взрослыми детьми? И где ваша квартира? В каком районе?

– В Трубном... А че? Однокомнатная! Мы в деревне два дома продали, свой и родителей, когда они несколько лет назад померли. А у вас, в городе, нам этих денег только на однокомнатную квартиру и хватило, и то на окраине.

– Ну, зато теперь вы можете переехать в двухкомнатную Виктора, а свою квартиру отдать старшему сыну, он ведь почти взрослый. Так что ваш квартирный вопрос, я считаю, решился?

Я пристально смотрела в глаза Федору Ивановичу.

– Ну, да... А к чему это вы?

– Да все к тому...

Он некоторое время вертел головой то в мою сторону, то в сторону Родиона. Вдруг до него дошло.

– Э-э, дамочка, вы чего это?! Вы это к чему? Хотите сказать... Да вы в своем уме?!

– Тихо, тихо, – стал успокаивать его Родион. – Татьяна ничего такого не сказала, она только...

– Да я Витка больше полугода не видел! Он в январе ко мне на день рождения приходил. А на свой даже не позвал! Вся моя семья это может подтвердить. Он вообще нас сторонился, как же, мы – деревня, а он – врач, образованный! Забыл, как сам в деревне жил, навоз месил! В марте у Зинки моей день рождения был, он не пришел. Летом у сына именины – он по телефону его поздравил. Не больно-то он с нами... А что квартира его и дача мне отойдут, так это по закону, не я его писал!

Федор Иванович распалился, лицо его пошло красными пятнами.

– Не обижайтесь, – сказала я примирительно.

Крепыш только рукой махнул. Достал новую сигарету, закурил. Мы постояли еще некоторое время, поговорили и окончательно помирились с Федором Ивановичем. Милиции все не было.

– А ведь уже десять, – сказал Родион. – Надо бы ехать, а то к одиннадцати можем не успеть.

Федор засуетился:

– Вот что, вы поезжайте, а я останусь, дождусь ментов. Надо же им могилу показать! Покажу и приеду автобусом. А то на поминки опоздаете, а поминки – святое дело.

– Хорошо, хорошо...

Мы с Родионом сели в машину и поехали в город.

– Родион, не говорите пока никому о том, что случилось, – попросила я.

– Почему?

– Ну... так надо. Я хочу кое-что проверить.

– Но моя жена знает, я же говорил с вами по телефону, она все слышала...

– Пожалуйста, позвоните ей и попросите ее не распространяться... мол, пока не выяснено, та ли эта могила... и вообще, все не так, как сообщил его брат. Одним словом, пусть она никому ничего не говорит. А дома потом все ей объясните.

Родион достал свой сотовый и позвонил Ирине.

Кафе, где родственники Виктора заказали поминки, было рассчитано человек на сорок. Когда мы с Родионом вошли туда, большая часть приглашенных уже сидели за столами, поставленными буквой «П». На часах было ровно одиннадцать. Официанты разносили на подносах полные тарелки и расставляли их перед гостями. Родион окинул зал взглядом и, взяв меня за локоть, повел к группе людей, которая сидела несколько особняком и которую можно было назвать «друзья» покойного. Здесь были Иван, Роман, их жены и Ирина. От остальных приглашенных их отделяло несколько свободных мест. Мы подошли, поздоровались со всеми, сели, и я оказалась между Ириной и Родионом. Он представил меня Людмиле и Юле. Я съела ложку кутьи, как полагалось, потом все подняли рюмки с водкой, и Родион сказал:

– Давайте помянем нашего безвременно ушедшего друга, хорошего товарища, прекрасного врача, порядочного человека. Вечная ему память!

– Вечная память!

– Царство ему небесное!

– Царство ему... – Все выпили. Стали закусывать.

Родион только подержал рюмку в руке, но пить не стал, поскольку был за рулем. Я сделала глоток водки. Официантка поставила передо мной тарелку с картофельным пюре и мясом. Я взяла из селедочницы кусочек селедки.

– Что там, на кладбище? – спросила меня Ирина тихо.

Я рассказала в двух словах, что все оказалось не так страшно, как показалось Федору:дохлая собака просто валялась рядом, а венки упали от ветра...

Ирина посмотрела на меня удивленными глазами:

– Надо же! А Зинаида, жена Федора, такая расстроенная, она что-то рассказывает родственникам, я слышала краем уха...

– Только вы пока никому ничего не говорите, хорошо? – попросила я. – А то пойдут ненужные разговоры...

– Ладно, но...

– Ирина, где Зинаида? Покажите ее мне, пожалуйста.

– Вон, в черном платье, с косынкой на голове, крашеная блондинка, видите?

– Да. А рядом с ней кто?

– Справа от нее – ее дети, сын и дочь. Слева – ее родная сестра, потом – муж сестры. Там все родственники жены. А с той стороны, напротив нас – коллеги Виктора. Сейчас их меньше, на похоронах и поминках человек двадцать было, почти в полном составе.

Я старалась рассмотреть кого-нибудь из коллег Виктора. В это время Иван налил всем в рюмки водку и поднял свою:

– Друзья, помянем Виктора! Мы потеряли не только хорошего товарища. В прошлом году Виктор делал операцию моей сестре, вы знаете. Он спас ее – с нее был снят страшный диагноз. А ее спаситель лежит в сырой земле... Вечная память тебе, доктор Чайников!

– Вечная память!

– Земля ему пухом!

– Царство ему небесное!

Все опять выпили. Закусили. Говорили тихо. Вспоминали Виктора, как он охотно давал в долг и как гостеприимно встречал друзей на своей даче.

– Ребята, а давайте как-нибудь съездим к нему на дачу, помянем его там, – предложил Роман. – И в этот раз – с женами, я думаю, он на нас не обидится.

Всем это предложение понравилось. Заговорили о том, когда это удобно будет сделать и согласятся ли родственники покойного, ведь эта дача теперь принадлежит им. Родион обещал договориться с Федором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.